

SHULTS Eduard Eduardovich, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor; Senior Researcher at the Institute of Education and Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (14 A. Nevskogo St, Kaliningrad, Russia, 236041); Associate Professor of the Chair of Communication Technologies, Moscow State Linguistics University (38 Ostozhenka St, Moscow, Russia, 119034; nuap1@yandex.ru)

DEMOGRAPHIC FACTOR AND REASONS FOR THE FALL OF THE WEIMAR REPUBLIC

Abstract. *The article is devoted to the reasons for the fall of the Weimar Republic in the context of analyzing the concept of so-called youth budge as the reason for the emergence of social protest. Social protest and confrontation in German society of the 1920s–1930s played a key role in changing the political development of Germany and the rise to power of the Nazis, which forms the relevance of the analysis of the concept. On the base of analysis of the electoral statistics of the late Weimar Republic the author concludes that the «youth budge» gave peculiarities to the political struggle and served as one of the factors in the victory of the right-wing radical party. Nevertheless, it could not play a decisive role, and cannot be considered as the reason for the peak of social tension in Germany in the early 1930s and the rise the NSDAP to power.*

Keywords: *history of Weimar Republic, Third Reich, NSDAP, «youth budge», demographic factor, German elections of 1928–1933*

ЧУНЯЕВ Андрей Михайлович — бакалавр Государственного академического университета гуманитарных наук (119049, Россия, г. Москва, Маролевский пер., 26; Andrew_chunyaev@mail.ru)

ИСКУССТВЕННЫЙ ЭТНОГЕНЕЗ В РАМКАХ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ КНР

Аннотация. *Статья посвящена разбору теории искусственного этногенеза в рамках осуществления внутренней политики КНР. С момента образования КНР в 1949 г. вопрос территориальной целостности был ключевым для правительства, что гипотетически могло послужить причиной для организации искусственных национальных обществ, в т.ч. и самого многочисленного малого народа КНР – чжуанов. В работе рассмотрены наиболее популярные гипотезы образования национальности чжуанов, исследованы возможные причины состоятельности теории искусственного этногенеза. В завершение работы представлена гипотеза политической мотивации организации ГЧАР в рамках территориальной политики КНР.*

Ключевые слова: *КНР, национальная политика, чжуаны, Гуанси-Чжуанский автономный район*

Территориальный вопрос исторически являлся крайне острым для Китая: многовековая приверженность идее «срединного государства» вкупе с третьей по величине площадью в мире на данный момент вскрывали и продолжают вскрывать для Китая все новые проблемы организации территориальной политики. В настоящее время в КНР официально признаны 56 национальностей, среди которых титульная нация хань составляет абсолютное большинство. Китай, тем не менее, остается полиэтничным государством, на территории которого умещаются представители большого числа культур и языковых семей. Самое крупное национальное меньшинство Китая — чжуаны. Согласно

7-й Всекитайской переписи населения от 2020 г., численность чжуанов составляет более 17 млн чел., или примерно 1,25% всего китайского населения и 34% населения Гуанси-Чжуанского АР¹. Чжуанам предоставлена частичная автономия в виде расположенного на юго-востоке, на границе с Вьетнамом Гуанси-Чжуанского АР. Несмотря на то что большинство чжуанов живут в предоставленном им автономном районе, значительное число представителей данной нации также проживают в провинции Юньнань, небольшие общины есть в провинциях Гуанчжоу, Гуандун, Хайнань и Хунань. Статистически чжуаны не являются большинством даже в своей автономии, однако из 52 округов своего района в 9 они составляют 90% населения, а в 39 — не меньше половины населения [Huang 2002]. Тем не менее, по заверению ряда исследователей, чжуаны по большей мере остаются малоизученной нацией [Holm 2003: 4], а вопрос ее этногенеза в свете длительного и продолжительного контакта с ханьцами еще до образования КНР — нерешенным. Поскольку полный эволюционный путь чжуанов как нации доподлинно неизвестен, в рамках данного исследования, помимо непосредственно посвященных чжуанам работ, необходимо детально изучить ряд более опосредованных источников.

Проблема южной границы Китая, по которой исторически проживали чжуаны, достаточно хорошо проанализирована в работах ряда авторов, среди которых особенно стоит отметить Г. Вьена и Дж. Мосли, которые уделяли особое внимание чжуанскому вопросу. Вопрос национальной политики Китая, в центре которой и находится вопрос этногенеза чжуанов, также является достаточно сложным. В частности, китайские труды, например позиция, отраженная в «Географии Нового Китая» за авторством Чу Шаотана, идет вразрез с более современными западными исследованиями, что создает еще большую неопределенность в данном вопросе. С целью более детального разбора проблемы в рамках исследования использован ряд статистических исследований, таких как данные переписей или отчетов по социальному и национальному статусу в районе проживания чжуанов. Данная статья, соответственно, направлена на выявление наиболее вероятных политических мотивов форсирования этногенеза чжуанов. В ней также рассматривается степень вовлеченности чжуанской нации в политические маневры Китая.

Существует ряд основных теорий происхождения чжуанов. Наиболее распространенные классические теории подразумевают происхождение чжуанов от автохтонного населения Гуанси, например сиюу и лоюэ, проживавших на юге Линнани и описанных в исторических записях как доциньского периода, так и периодов Цинь и Хань [Чжуанцзу лиши 2006; Чу Шаотан 1953]. Другая популярная, но на данный момент не самая достоверная теория, озвученная рядом китайских историков, в т.ч. одним из основателей чжуанологии Хуан Сянфанем, отмечает, что, исходя из ряда таких факторов, как фольклор чжуанов, наиболее вероятно их происхождение от той части народа юэ, которая проживала на территории современного Чжэцзяна в составе царств У и Юэ, а позже мигрировала на юг [Хуан Сянфань 1958]. Обе теории в основном опираются на этнографические и лингвистические данные: фольклор, топонимику региона и языковую схожесть чжуанов разных регионов.

Вразрез с данными теориями, «классическими» и принятыми в Китае, высту-

¹ Ди ци цы Цюань Го Жэнь Коу Пу Ча Гун Бао Ди И Дао Ди Ба Хао [Бюллетень седьмой Всекитайской переписи населения № 1-8]. 2020. Доступ: <http://www.stats.gov.cn/search/s?qt=%E7%AC%AC%E4%B8%83%E6%AC%A1%E5%85%A8%E5%9B%BD%E4%BA%BA%E5%8F%A3%E6%99%AE%E6%9F%A5%E5%85%AC%E6%8A%A5&siteCode=bm36000002&tab=all&toolsStatus=1> (проверено 01.03.2023).

пает концепция искусственного этногенеза. Данная теория особенно популярна среди западных исследователей, таких как Кэтрин Кауп или Джеффри Барлоу. Основой данной концепции является предположение о невозможности существования такой нации, как чжуаны, до начала национальной политики КНР [Кауп 2000: 30-111; 2002]. Основными доказательствами в пользу данной теории выступают лингвистические, социологические и географические исследования, доказывающие, что чжуаны сами по себе являются носителями довольно неоднородного языка, расселены на достаточно большой территории и исторически не имели возможности активно контактировать друг с другом из-за гористого и труднопроходимого ландшафта региона [Barlow 1987; Moseley 1973]. Среди современных чжуанов распространены диалекты, относящиеся одновременно к северной и центральной подгруппам тай-кадайской языковой семьи, что не только максимально удаляет их от китайцев, чей язык принадлежит к сино-тибетской семье, но и разделяет самих чжуанов на несколько подгрупп. Так, например, Гарольд Вьен со ссылкой на исследование по региону Вольфрама Эберхарда утверждает, что из 290 племен, расселенных по всему южному Китаю от Юньнани и Сычуаня до Чжэцзяна с предположительным центром в Гуанси, почти половину в древней китайской литературе причисляли к чжуанам [Wien 1954: 29-34]. Вероятность такого исхода без вмешательства со стороны представляется крайне незначительной. Другим аргументом является существенное различие в физиологии и материальной культуре представителей разных общин чжуанов, таких как нунг, ша или ту. Создание же единой нации чжуанов было сугубо политическим решением коммунистического правительства XX в., направленным на принудительное объединение народов с целью осуществления эффективного контроля и обретения рычагов давления на область их расселения.

Данная теория находит отражение и в исторических источниках: например, в Суй Шу, исторический летописи династии Суй, упоминается госпожа Цяо Го, правительница вновь образованного на тот момент государства юэ Наньюэ, на территории которого проживало «сто тысяч племен». Там говорится, что юэ любят воевать, т.к. это отвечает правилам их обычаев [Суй Шу 636]. В данном контексте речь шла в основном о межплеменной вражде юэских племен, хотя к гегемонам региона – ханьцам южные племена были также настроены очень недружелюбно и оспаривали их право на свою землю. Так, например, для подавления так называемого восстания сестер Трунг, организованного как ответная реакция на синификацию племен юэ современного северного Вьетнама, в регион с карательной операцией отправился знаменитый полководец Ма Юань, заслуживший по итогам похода почетное имя «генерал, успокаивающий волны» [Bielestein 1987: 271]. Племена юэ, от которых по итогу произошли как рассматриваемые в данный момент чжуаны, так и ряд других малых народов юга Китая, таким образом, не отличались особым желанием вливаться в китайскую действительность и становиться зависимыми от воли императора. Более того, они не были настроены на внутреннюю консолидацию, во многом из-за четкого территориального расслоения, образовавшего на территории ГЧАР две мало пересекающиеся языковые группы (см. рис. 1, рис. 2).

Рисунок 1. Карта расселения северных чжуанов. World Language Mapping System, 2003, GMMS

Рисунок 2. Карта расселения южных чжуанов. World Language Mapping System, 2003, GMMS

Помимо прочего, для племен юэ была характерна существенная миграция на юг. Например, племя Ян юэ, изначально в соответствии с названием проживавшее в районе Янцзы в эпоху Западной Чжоу, к концу эпохи Борющихся Царств оказалось уже на самом юге царства Чу, при династии Цинь они оказались в Линнани, т.е. предположительно в регионе между современным Гуанси и горами Улиншань, а при Хань — на территории современного округа Гуйлинь ГЧАР [Maecham 1996: 94]. Подобные примеры показывают нежелание юэских племен интегрироваться с китайской государственностью: вместе с продвижением на юг границы гегемона племена также перемещались на наиболее отдаленные территории, желая сохранить независимость. Можно предположить, что дальнейшее перемещение на юг, в сторону Индокитая, не произошло в т.ч. и благодаря образованию в Линнани государства Наньюэ, существенная доля власти в котором была предоставлена местным вождям и воеводам. Данный факт, вкуче с достаточной фактической автономией позволил предкам ряда современных народов, предположительно и чжуанов, консолидироваться и осесть на земле как минимум до полного уничтожения Наньюэ в 111 г. [Barlow 2005]. Тем не менее изначальная площадь расселения данных племен крайне широка, и до начала экспансии ханьцев на юг у них не могло быть никакого способа и надобности поддерживать постоянные и долгосрочные контакты. Даже в ходе вынужденного переселения на узкую полосу по южной китайской границе и Индокитаю юэ оставались раздробленными и неоднородными. Таким образом, самоорганизация национальности в 17 млн чел., что составляет больше трети в их родном районе при том, что остальные две трети — ханьцы, а большое число, казалось бы, максимально родственных чжуанам национальностей вынесено за скобки данной дискуссии, представляется крайне сомнительной. Предположительно, изначально естественно образованная из узкого ряда юэских племен народность чжуан впоследствии была искусственно увеличена за счет остальных мелких общин, объединенных больше по территориальному признаку, а не по этническому.

Политический мотив культивирования национальности при этом очевиден. Китай всегда оставался верным политическим традициям и проектам прошлых лет, а одним из наиболее «любимых» приемов Китая было создание национальных микросоударств в границах своей империи. Это позволяло одновременно оказывать на район культурное давление, переселяя в регион ханьцев, посредством которых местные перенимали китайскую письменность и язык, и держать под контролем традиционно беспокойные регионы, позволяя местным авторитетным представителям курировать административное производство региона. Границы современного ГЧАР явно это показывают: приграничный район, находящийся на вьетнамской границе и имеющий выход к морю, казалось бы, не может являться объектом каких-либо политических провокаций, но его ценность, учитывая, что население района в большей степени тяготеет к Вьетнаму ввиду схожего языка и культуры, слишком высока. В связи с этим решение правительства КНР кажется спорным лишь на первый взгляд. В действительности же организация подобного образования крайне хорошо ложится в китайскую территориальную доктрину, суть которой, вопреки европейской модели, не разделять, а объединять, сращивать проблемные группы. Путем предоставления чжуанам формальной автономии на территории, где проживает наибольшее число бывших юэ, а также искусственным сращиванием данных мелких этносов в один правительстве практически полностью обезопасило себя от проис-

ходивших в прошлом восстаний и недовольств, направленных в основном на сепарацию от Китая отдельных наиболее недовольных племен. Осознав себя единым, крупным районом со своей родной территорией, общей культурой и принадлежностью, чжуаны стали гораздо более безопасны для территориальной целостности КНР, одновременно обеспечивая культурный буфер между Китаем и Вьетнамом и оставаясь надежной точкой опоры для военного контингента Южного военного округа КНР.

Список литературы

Barlow J. 1987. The Zhuang Minority Peoples of the Sino-Vietnamese Frontier in the Song Period. — *Journal of Southeast Asian Studies*. Vol. 18. No. 2.

Barlow J. 2005. *The Zhuang: A Longitudinal Study of Their History and Their Culture*. Доступ: <https://web.archive.org/web/20070208024117/http://mcel.pacificu.edu/as/resources/ZHUANG/zhuang3.htm> (проверено 26.02.2023).

Bielestein H. 1987. 3 — Wang Mang, the Restoration of the Han Dynasty, and Later Han. — *The Cambridge History of China*. Vol. 1. *The Ch'in and Han Empires, 221 B.C.—220 A.D.* (ed. by D. Twitchett, M. Loewe). Cambridge: Cambridge University Press. P. 223-290.

Holm D. 2003. *Killing a Buffalo for the Ancestors: a Zhuang Cosmological Text from Southwest China*. Southeast Asia Publications Center for Southeast Asian Studies/Northern Illinois University. 304 p.

Huang P. 2002. Sinification of Zhuang people, Culture, and Their Language. — *SEALS XII Papers from the 12th Annual Meeting of the Southeast Asian Linguistics Society*. Northern Illinois University. P. 89-92.

Kaup K. 2000. *Creating the Zhuang: Ethnic Politics of China*. Lynne Rienner Publishers. 226 p.

Kaup K. 2002. Regionalism versus Ethniconationalism in the People's Republic of China. — *The China Quarterly*. Vol. 172. P. 864-870.

Maecham W. 1996. Defining the Hundred Yue. — *Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin*. Vol. 15. No. 2. P. 93-100.

Moseley G. 1973. *The Consolidation of the South China Frontier*. University of California Press. P. 81-86.

Wien H. J. 1954. *Han Chinese Expansion in South China*. Shoe String Press. 441 p.

Суй Шу [Книга Суй]. 636 г. № 80. Доступ: <https://zh.wikisource.org/wiki/隋書/卷80> (проверено 03.03.2023).

Хуан Сяньфань 1958. *Краткая история народности чжуан*. Доступ: <https://www.doc88.com/p-693583593176.html#> (проверено 02.02.2023).

Чжуанцзу лиши [История чжуанов] 2006. Доступ: http://www.gov.cn/test/2006-04/12/content_252057.htm (проверено 01.03.2023).

Чу Шаотан. 1953. *География нового Китая* (пер. с кит. Л.С. Гингольда, А.М. Ледовского) М.: Издательство иностранной литературы. С. 183-185.

CHUNYAEV Andrei Mikhailovich, Bachelor of the State Academic University for the Humanities (26 Maronovsky Lane, Moscow, Russia, 119049; Andrew_chunyaev@mail.ru)

ARTIFICIAL ETHNOGENESIS WITHIN THE DOMESTIC POLICY OF THE PRC

Abstract. *The paper discusses the problem of artificial ethnogenesis in the framework of the domestic policy of the People's Republic of China. The author considers the most popular hypotheses of the Zhuang nationality formation and investigates the possible reasons for the viability of the artificial ethnogenesis theory. The search results in a presentation of a political motivation for the GZAR organization within the framework of the PRC territorial policy hypothesis. The classification creation, delimiting the national composition of Zhuang into the closest subgroups by language along with material culture similarities had a positive impact on the quality of work.*

The result of the work confirms the theory of artificial ethnogenesis of the Zhuang nation significance and scientific authority. Moreover, the most probable reason for organizing an artificial Zhuang community was identified and scientifically substantiated, presumably related to the general doctrine of the PRC's territorial policy. This study is of value in the framework of the PRC national and territorial policy studies. The article may be of use for China southern regions researchers.

Keywords: PRC, national policy, Zhuang, Guangxi Zhuang Autonomous Region